

Емъ Емъ
Роденъ 19 Окта
1893г.

БѢГЛЫЙ КОРОЛЬ

301.78
MSA 610

I.

Въ Камчаткѣ—альпійская роза.

Это было въ Камчаткѣ, въ Большерѣцкомъ острогѣ.

Зима приближалась къ концу и безконечныя сѣверныя ночи хотя и значительно укоротились, однако все еще были томительно долги.

Въ одну изъ такихъ ночей, уже близко къ полуночи, въ просторной деревянной избѣ съ широкими нарами, сидѣли нѣсколько человѣкъ. Сальная свѣча, поставленная на столѣ, слабо освѣщала ихъ пасмурныя лица.

— Станный ты человѣкъ, Батуринъ, сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ у стола, плотный мучжина лѣтъ за пятьдесятъ, съ сильной просѣдью въ черныхъ волосахъ, обращаясь къ бѣлому какъ лунѣ старику съ блестящими, какъ у юноши, черными глазами.

— Чѣмъ-же я страненъ? спросилъ старикъ.

— Да какъ-же!—говоришь, что здѣсь жизнь—раздолье.

— Конечно, государь мой, раздолье. Не забудь—кто мы. А вотъ ходимъ безъ цѣпей, дышемъ не спертымъ воздухомъ подземныхъ казематовъ, а воздухомъ полей, лѣсовъ...

— И тундръ, перебилъ его первый.

дари мои (старикъ всталъ и оперся руками на столъ): — завелся надъ моею койкой, въ углу, паучокъ, свилъ себѣ тенетцы тонкія, — ну, и бѣгаетъ по нитямъ своимъ, а то сидитъ и глядитъ на меня. Мнѣ казалось, что онъ понимаетъ меня и охотно, какъ другъ, раздѣляетъ со мною мою неволю. И удивительное дѣло, скажу я вамъ: онъ такъ-же бывало какъ и я вздрагивалъ на своихъ тенетцахъ, когда бывало ударить колоколъ на башенныхъ часахъ, либо звякнетъ запоръ и замокъ у нашей двери — онъ тотчасъ-же прятался въ углу. — И представьте себѣ, до чего доводитъ одиночество: я такъ привязался къ моему паучку, что когда мнѣ объявлена была милость — вмѣсто каземата ссылка сюда, въ Большерѣцкій острогъ, — мнѣ жаль стало моего паучка: съ кѣмъ-то ты, думаю, останешься, мой другъ?

Онъ помолчалъ. Молчали и остальные его собесѣдники. Было тихо въ избѣ, только за печкою трещалъ сверчокъ да за окномъ уныло гудѣлъ вѣтеръ.

— Такъ-то, государи мои, снова продолжалъ старикъ, садясь на прежнее мѣсто, — а здѣсь что? — здѣсь раздолье! Здѣсь вотъ я васъ вижу, съ вами бесѣдую; здѣсь я хожу вольно по этому пустынному острогу, по тундрамъ, вижу небо, горы, а по пути сюда такъ и пѣніе птицъ слышалъ... А вотъ чудно, государи мои: никакой птицѣ я такъ не обрадовался, какъ сорокѣ, когда въ первый разъ увидѣлъ ее въ дорогѣ послѣ двадцатилѣтняго шлиссельбургскаго сидѣнья. — А ты, Хрущовъ, что молчишь? — все тоскуешь не-бось?

Слова эти относились къ четвертому собесѣднику, который сидѣлъ въ сторонѣ у окна и не принималъ уча-

стія въ разговорѣ. Это былъ стройный блондинъ съ тонкими чертами лица и черными глазами.

— Что—тоскуешь, другъ? повторилъ старикъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, котораго назвали Хрущовымъ:—не тоскую, а слушаю, какъ подъ окномъ вольный вѣтеръ плачетъ.

— Эхъ, ты, поэтъ! отозвались сѣрые глаза:—объ чемъ тамъ вѣтру плакать?—Развѣ онъ ссыльный, какъ мы съ тобой?—Онъ у нашего идола Нилова не подъ командой: ему вольно летѣть куда угодно, хоть въ Питеръ.

— Питеръ! съ горечью повторилъ, какъ-бы про себя, тотъ, котораго назвали Хрущовымъ: — ахъ какъ живо помню я этотъ Питеръ и этотъ хмурый день, когда меня да брата Алексѣя да Гурьевыхъ трехъ братьевъ, въ тяжелыхъ кандалахъ, привели на мѣсто казни. Сколько народу, войска! — И стали читать... Помню я даже слова этого чтенія: я думалъ, что это были послѣднія слова, которыя мнѣ суждено было услышать на землѣ... «За богомерзкое и толь злодѣйское дѣло, какъ изbleванье хулы величества, по всѣмъ законамъ, Петра Хрущова да Гурьева Семена, яко главныхъ въ томъ дѣлѣ зачинщиковъ,—четвертовать и головы отсѣчь, а Гурьевымъ Ивану и Петру—тожъ головы отсѣчь»... И глухо, глухо тамъ гдѣ-то подъ нами барабанъ стучить... И жду я, безумецъ, жду—вотъ шевельнется масса, вотъ послышатся голоса изъ толпы: «зачѣмъ казнить?—они за законнаго государя да за насъ стояли»... Нѣтъ, все молчить кругомъ — одинъ барабанъ говорить... Вѣтерокъ повѣялъ мнѣ прямо въ лицо и бросилъ на лицо прядь моихъ волосъ, и я вспомнилъ, какъ эту прядь когда-то ласкала милая рука, а теперь эту прядь схватить рука палача, чтобъ вмѣстѣ съ

головой сбросить внизъ, къ ногамъ толпы... А около меня все читають: «повелѣваемъ мечъ, намъ Богомъ данный и, по словесамъ Его, не безъ ума носимый нами, удержать въ ножнахъ, и, жизнь оставя имъ, послать въ Камчатку на вѣчное житье»... И вотъ я здѣсь! — Семь лѣтъ гнію средь этихъ тундръ, въ снѣгахъ, семь долгихъ лѣтъ все думаю о томъ, что вѣчно закрыто для меня.

— Эхъ, поэтъ, поэтъ! вздохнули сѣрые глаза: — все-то изукрасить цвѣтами краснорѣчія, даже тоску свою.

— А что не видать Гурьева? оглянулся Хрущовъ на остальныхъ.

— Да онъ все дома сидитъ — рѣдко къ намъ ходитъ, отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Онъ что-то дичится насъ, замѣтилъ другой.

— Давно не былъ и Беніовскій, вставилъ третій.

— Онъ рисуеть карту Камчатки и Курильскихъ острововъ, пояснилъ первый.

— Зачѣмъ она ему?

— На случай — пригодится.

— А можетъ быть для своей ученицы.

— Для Аѳанасіи Григорьевны?

— Да... Онъ, кажется, къ ней — тово.

— Да и она тоже... А славная дѣвочка! — И какъ такой роскошный цвѣтокъ распустился на снѣгахъ Камчатки, среди проклятой тундры!

— Альпійская роза: она и на снѣгу растетъ.

Въ сѣняхъ избы слышались чьи-то шаги.

— Кто-то идетъ. — Ужъ не онъ ли?

Дверь отворилась, и на порогъ показалась высокая стройная фигура мужчины лѣтъ за сорокъ, съ смѣлымъ

взглядомъ продолговатыхъ точно у сфинкса и какъ у сфинкса почти не мигающихъ глазъ.

— Ба-ба! — легокъ на поминѣ!

II.

«Не во вредъ Россіи».

Вошедшій былъ знаменитый въ прошломъ вѣкѣ энтузіастъ, баронъ Морицъ Анадаръ Беніовскій.

Беніовскій считался венгерцемъ, но онъ скорѣе былъ полякъ и по рожденію, и по воспитанію, и по своимъ политическимъ симпатіямъ. Вмѣстѣ съ польскими конфедератами Пулавскимъ, Огинскимъ и Пацемъ, онъ сражался противъ русскихъ войскъ, которыми и былъ взятъ въ плѣнъ, а въ 1769 году сосланъ былъ въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ.

Здѣсь онъ сошелся съ другими ссыльными, русскими, съ которыми мы уже отчасти познакомились въ предыдущей главѣ. Серебристоголовый старикъ, говорившій о своемъ двадцатилѣтнемъ пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости, былъ Батуринъ, Яковъ. До ссылки онъ состоялъ въ артиллеріи, въ чинѣ полковника, и за покушеніе, въ 1743 году, возвести на престолъ великаго князя Петра Ѳедоровича, былъ заключенъ въ Шлиссельбургскій казематъ, гдѣ, дѣйствительно, и высидѣлъ въ одиночномъ заключеніи двадцать лѣтъ. Затѣмъ, въ 1769 году, одиночное заключеніе было замѣнено для него вѣчною ссылкой въ Камчатку-же, въ Большерѣцкій острогъ.

Другой, плотный мужчина съ сильной просѣдью, былъ Степановъ, Ипполитъ, нѣкогда капитанъ арміи, а теперь тоже арестантъ Большерѣцкаго острога. Это былъ повидимому очень мощный и энергичный человѣкъ съ силой буйвола.

Сѣрые грустные глаза принадлежали его молодому другу, Панову, товарищу по ссылкѣ. Пановъ былъ душою и любимцемъ этого небольшого кружка ссыльныхъ, и хотя онъ постоянно шутилъ и острилъ, развлекая товарищей въ минуты тоски по родинѣ и вызывая улыбки на ихъ хмурые лица, но глаза его при этомъ постоянно оставались задумчивыми и грустными. Оттого шутки его отдавали какою-то скрытою горечью, и веселость казалась напускною.

Тотъ, кого онъ называлъ «поэтомъ», былъ Петръ Хрущовъ, нѣкогда поручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, а съ 1762 года—арестантъ Большерѣцкаго острога. Петръ Хрущовъ былъ главою извѣстнаго заговора Хрущовыхъ и Гурьевыхъ—заговора, которымъ, такъ сказать, открылось царствованіе императрицы Екатерины II. Это была натура нервная до болѣзненности, а потому подчасъ безсильная обуздать свое пылкое, тоже до болѣзненности, воображеніе.

— Что вы такіе мрачные, друзья мои? спросилъ Бениовскій, садясь около Батурина.

— Да вотъ все Хрущовъ смущаетъ, отвѣчалъ Пановъ, кивая головой по направленію къ Хрущову.

— Чѣмъ-же это?

— Да все поэзіей—такое несетъ, что уши вянутъ: говорить, что слушаетъ какъ вѣтеръ плачетъ, — и чего ему плакать? — То самъ съ вѣтромъ разговариваетъ, и

будто - бы вѣтеръ говорить ему: «ахъ, братъ Хрущовъ, какъ усталъ я носиться вокругъ земного шара». — А кто его, дурака, гонить? — Пролеталъ я — говорить будто-бы — Америкой и Тихимъ океаномъ, и вездѣ-то, говорить, все Хрущовы хнычуть. Хотѣлось бы мнѣ — говорить — въ Россію полетѣть (и кто мѣшаетъ?) — посмотрѣть, что «тамъ». — А Хрущовъ и говорить вѣтру: «лети, братецъ, да поклонись родной сторонкѣ — скажи, какъ мы здѣсь изнываемъ въ неволѣ». А я и говорю: да ты не очень - то подбивай вѣтеръ, а то и его, дурака, тамъ постегаютъ да сюда-же сошлютъ подъ команду Нилову — шутить-то тамъ и вѣтру не позволять. Вонъ на что галки — птицы! — а и галокъ сотъ пять сослали, говорятъ, въ Пелымъ за то, что глупыя галдѣли надъ дворцомъ, когда тамъ изволилъ почивать свѣтлѣйшій герцогъ Биронъ.

Беніовскій загадочно улыбнулся.

— Bene, bene! сказалъ онъ весело: — *si pop e vego, ben' trovato* — похоже на истину: у васъ на святой Руси все возможно.

Хрущовъ всталъ съ нервнымъ подергиваніемъ губъ.

— Не говорите такъ, панъ Беніовскій! горячо сказалъ онъ: — вы не то полякъ, не то венгерецъ — вы не поймете насъ.

— Дѣйствительно, я васъ не понимаю, пожалуй плечами ссыльный конфедератъ: — вы бы стыдились любить такую родину какъ ваша.

— А вы свою? горячился Хрущовъ: — да у васъ и родины-то нѣтъ... За кого-жъ вы бились? — за пановъ! — за Пулавскихъ да Огинскихъ? — имъ вы продали свой мечъ и свою кровь!

Вскочилъ въ свою очередь и Беніовскій.

— Ложь! сказалъ онъ, поблѣднѣвъ: — я ничего не продавалъ!—Я бился за вѣльность, рувность, неподлежность, и буду биться за нихъ вездѣ, на кого-бъ не надѣли цѣпи рабства, будь-то въ Польшѣ, въ Камчаткѣ-ли—все равно!

— И за пелымскихъ галокъ? вставилъ Пановъ.

— Я рыцарь! продолжалъ, не слушая его, Беніовскій:—только я рыцарь новаго покроя и ношу цвѣта моей прекрасной дамы, и буду вездѣ за ея честь сражаться—въ Польшѣ-ли, бокъ-о-бокъ съ Огинскимъ и Пулавскимъ, въ Камчаткѣ ли—рядомъ съ вами...

— И съ Ниловымъ? не утерпѣлъ Пановъ.

Но Беніовскій не слушалъ его.

— Только этой дамѣ я и посвятилъ и кровь мою и мечъ.

— А позвольте узнать имя вашей прекрасной дамы? спросилъ Пановъ.

— Свобода!

— А! протянулъ Пановъ: — мы съ этой милой дамой незнакомы... Она и вамъ, злодѣйка, измѣнила...

— О, нѣтъ! горячо, но загадочно возразилъ конфедератъ:—она лишь прячется стыдливо отъ грубой силы русскихъ... А хотите—я васъ представлю ей?

— О, да! отвѣчалъ Степановъ:—мы всѣ васъ объ этомъ просимъ.

— Только не я! возразилъ Хрущовъ:—я не желаю *вашей* дамы, господинъ баронъ. Я лучше буду жить съ моей бѣдной дамой—съ разбитой надеждой. И я когда-то мечталъ, и я надѣялся... Но видите-ли?—тотъ гренадеръ, который клялся мнѣ за согласіе всего своего полка—этотъ самый гренадеръ, когда намъ съ Гурьевыми читали

указъ о смертной казни, глядя на насъ, препокойноковырялъ въ носу.

— Жаль мнѣ васъ, Хрущовъ, сочувственно сказалъ Беніовскій. — И мнѣ понятны муки разбитыхъ надеждъ. Памятны мнѣ тяжолыя мгновенья изъ прежней жизни: шли мы съ Пулавскимъ противъ русскихъ; въ свой отрядъ мы всю душу вложили; они клялись стоять, хотя-бы ихъ живыми зарывали въ землю... И какъ горячо я цѣловалъ ихъ, плакалъ съ ними! А они меня и Пулавскаго, словно краденые сапоги за кварту горѣлки, — отдали герръ фонъ-Бринку. И вотъ я здѣсь, а Пулавскій — въ Казани.

— А галки галдятъ въ Пелыми, не унимался Пановъ.

— Правда, другъ, улыбнулся Степановъ: — вѣдь ты вмѣстѣ съ галками сосланъ въ Пелымъ, а въ Камчатку попалъ ошибкой.

— Правда и то! согласился Пановъ: — вѣдь мы съ тобой вмѣстѣ каркали, когда императрица въ Москву наказъ прислала и велѣла намъ уложеніе сочинить — помнишь? — Ты каркалъ ворономъ, а я только галчонкомъ.

— Помню, помню! отозвался тотъ: — да не въ этомъ, другъ мой, дѣло.

Беніовскій прервалъ ихъ разговоръ. Онъ видимо хотѣлъ сказать что-то особенное, и потому лицо его выражало и нетерпѣніе и твердую рѣшимость.

— Оставьте, господа, бесполезные разговоры, сказалъ онъ какъ-будто съ раздраженіемъ въ голосъ: — довольно мы вели здѣсь пустыхъ бесѣдъ, довольно и бесполезно плакались какъ бабы на свою участь. Надо дѣло дѣлать. Гдѣ остальные наши товарищи по острогу? Гдѣ Винбладъ, Мейдеръ, Гурьевъ, Гурчениновъ?

— Зачѣмъ вамъ они? спросилъ Батуринъ.

— Дѣло есть, былъ отвѣтъ.

— Какое дѣло?

— Сейчасъ скажу.

— Да на Гурьева плоха надежда для дѣла, замѣтилъ Батуринъ.

— А что? спросилъ конфедератъ.

— Не надеженъ онъ — удаляется... А Гурчениновъ бесполезенъ для бесѣды. На что годится человѣкъ, у котораго вырѣзали языкъ?

— Ахъ да! скажите пожалуйста, за что его у бѣднаго вырѣзали? спросилъ Беніовскій:—я до сихъ поръ этого не знаю.

— Да за то, сказалъ Пановъ загадочно, за что сослали Овидія.

— Полно тебѣ болтать! перебилъ его Батуринъ:— Гурчениновъ былъ камеръ-лакеемъ у правительницы Анны Іоанновны, и въ 1742 году косвенно участвовалъ въ заговорѣ противъ Елизаветы Петровны, то-есть онъ просто смолчалъ тамъ, гдѣ отъ него требовали отвѣта, и вотъ для того, чтобъ ужъ онъ никогда не говорилъ, ему на плахѣ и совсѣмъ вырѣзали языкъ.

— Остроумно! улыбнулся конфедератъ:—это будетъ почище Овидія... Впрочемъ, прибавилъ Беніовскій, такой человѣкъ всего болѣе пригодится въ нашемъ дѣлѣ.

— Своимъ краснорѣчіемъ? спросилъ Пановъ лукаво.

— Именно краснорѣчіемъ! горячо отвѣтилъ конфедератъ. — Краснорѣчивъ фактъ — для народа... Слушайте-же!

Онъ выпрямился, оглядѣлся, потомъ взялъ со стола

свѣчу и вышелъ въ сѣни. Тамъ онъ осмотрѣлъ всѣ углы, заперъ сѣни и воротился въ избу.

— Друзья и товарищи моего печальнаго плѣна! началъ онъ торжественно, дрогнувшимъ голосомъ: — я пришелъ къ вамъ съ великимъ дѣломъ. Клянется-ли вы мнѣ, что то, что я сообщу вамъ сейчасъ, останется тайною между нами? Клянется-ли?

— Если только не во вредъ Россіи, возразилъ Хрущовъ.

— Не во вредъ, спокойно отвѣчалъ конфедератъ. — Клянется-ли?

— Я клянусь! сказалъ Батуринъ.

— Клянусь и я! повторилъ за нимъ, поднимая правую руку, Пановъ.

— И я! — и я! повторили Степановъ и Хрущовъ.

— Но — прибавилъ медленно Батуринъ, какъ старѣйшій: — мы можемъ и не принять того, что вы намъ предложите?

— Это ваша воля, отвѣчалъ конфедератъ: — но я убѣжденъ глубоко, что вы примете. — Слушайте-же! — я все вамъ открою.

III.

За Павла Перваго.

— Я давно лелѣю въ душѣ великій планъ, началъ Беніовскій торжественно, и немигающіе глаза его, казалось, остеклѣли и похолодѣли. — Мое сердце, какъ, надѣюсь, и ваше, жадно проситъ воли, а съ волею — и счастья.

Душѣ такъ обидно томиться въ этомъ склепѣ, въ этой снѣжной могилѣ, гдѣ только дикій воронъ врячетъ да по ночамъ стонетъ филинъ надъ забытыми могилами погибшихъ здѣсь вдали отъ родины. Насъ всѣхъ ждетъ эта могила: мы присланы сюда на вѣчное житье, на вѣчное! Развѣ мысль ваша не ищетъ живого дѣла, руки—работы, только не каторжной? А насъ окопали снѣгами, обвели холоднымъ, безпредѣльнымъ моремъ, какъ души умершихъ эллиновъ обводили мрачнымъ Стиксомъ. Но то вѣдь были тѣни мертвыхъ; а мы—мы живые!—мы жизни просимъ, свободы!—И я все это дамъ вамъ, дамъ, клянусь всемогущимъ Богомъ!

Онъ остановился, тяжело дыша. Всѣ сидѣли, потупивъ головы.

— Я дамъ вамъ все, все! продолжалъ конфедерать. — Какъ сказочная птица помчу я всѣхъ васъ на могучихъ крыльяхъ. Изъ могилы—не мертвыхъ, а живыхъ васъ, сильныхъ, я выну и, какъ евангельскій демонъ Христу, покажу вамъ всѣ царствія міра—сказочныя царства—Японію, Китай, Офиръ библейскій. Я покажу вамъ край, гдѣ пальмы зрѣютъ, гдѣ нѣтъ снѣговъ, гдѣ воздухъ нѣгой дышетъ, гдѣ нѣтъ ни тундръ, ни тюремъ, ни цѣпей! Обѣихъ Индій страны покажу вамъ, Великаго Могола царства, Цейлонъ роскошный и Мадагаскаръ, я родину вамъ негровъ покажу, страны, гдѣ львы гуляютъ на свободѣ и зрѣютъ лопасти банана! А тамъ—все дальше, дальше понесу васъ!

Батуринъ безнадежно махнулъ рукой, еще ниже опустивъ свою серебряную голову.

— Эхъ!—это сонъ, несбыточный, но сладкій сонъ! тихо сказалъ онъ, поднимая блѣдное лицо и глядя въ

глаза конфедерату. — Зачѣмъ вы демономъ сюда явились, чтобъ нашъ покой могильный нарушать? Зачѣмъ, когда мы жаждой умираемъ въ степи безводной, вы намъ показали моря воды живой, чтобъ агонію нашу, муки смерти увеличить!

Беніовскій ничего не отвѣчалъ. Какъ ловкій ораторъ, привыкшій говорить на сеймахъ, онъ ждалъ перваго эффекта своей рѣчи.

Пановъ съ жестомъ отчаянья подошелъ къ конфедерату.

— Беніовскій! — демонъ! — вы точно демонъ! задыхаясь говорилъ онъ. — Зачѣмъ и у меня вы все отняли вашей ядовитой рѣчью! Зачѣмъ мой смѣхъ и шутку вы убили? — Мнѣ плакать хочется!

— Извините, сказалъ въ свою очередь Хрущовъ: — все это только — польское краснорѣчіе. — Зачѣмъ мнѣ льва и лопасти банановъ? — Вы дайте мнѣ Россію, край мой милый и далекій! дайте поглядѣть мнѣ на русскія избушки, на бѣленькія хатки Украины, на степи и поля! — А то бананы, тамаринды!

Конфедератъ былъ видимо задѣтъ за-живое словами Хрущова... Польское краснорѣчіе! — лопасти банановъ!...

Онъ подошелъ къ столу, вынулъ изъ кармана карту и разложилъ ее на столѣ. Собесѣдники окружили столъ.

— Вотъ какимъ путемъ я поведу васъ къ русскимъ избушкамъ и къ бѣленькимъ хаткамъ Украины, серьезно сказалъ конфедератъ, обращаясь къ Хрущову: — сначала Камчатскимъ моремъ, потомъ вдоль Курильскихъ острововъ до Японіи — вотъ этимъ курсомъ, нанесеннымъ мною на карту. Оттуда Корейскимъ проливомъ мы выйдемъ къ Китаю... Дальше — слѣдите за моимъ пальцемъ — Формоза,